

В номере:

Поэзия

Людмилы Колодяжной,

Татьяны Кайсаровой

и Людмилы Осокиной

□

Проза Леонида Складнева

□

Выдающийся русский поэт

Александр Кабанов

□

Журнал

«Дети Ра»

□

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ПОЭТ

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

2041 г.

На премьер, в блокадном Нью-Йорке,
в свете грустной победы над злом —
черный Бродский сбегает с галерки,
отбиваясь галерным веслом.

Он поет про гудзонские волны,
про княжну. (Про какую княжну?)
И облезлые воют валторны
на фанерную в дырках луну.

И ему подпевают, фальшивя,
в високосном последнем ряду,
однорукий фарфоровый Шива —
старший прапорщик из Катманду:

«У меня на ладони синица —
тяжелей рукоятки клинка...»

...Будто это Гамзатову снится,
что летят журавли табака.
И багровые струи кумыса
переполнили жизнь до краев.

И ничейная бабочка смысла
заползает под сердце мое.

(Стихотворение из журнала «Дети Ра», № 6 (20), 2006 г.)

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах,

которые добились значимых результатов в жизни

Мы делаем программы для ТВ, Интернет-ТВ, создавая галерею образов наших современников. Телекомпания «Диалог» — это разговор с обществом, государством, церковью, писателями и художниками, деятелями культуры и науки, мастерами всевозможных профессий... Это общение представителей самых различных слоев общества. Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

Коммерческий отдел нашей телекомпании принимает заявки на съемки фильмов по заказу.

Тел.: +7 (495) 971 79 25, факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!

Николай Новиков
«Пора, мой друг, подумать о душе»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Геннадий Кацов
«25 лет с правом переписки»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Дмитрий Тюпа
«Поиск радостной вечности»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

«ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлабо-тонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ ТВОЙ САМОЛЕТИК ПРЕВРАТИТСЯ В ТОЧКУ СТИХИ О СТРАНАХ И ГОРОДАХ (2000-2015)

КОГДА ДУША ПУСКАЕТСЯ В ПОЛЕТ...

Аэропорт. Кафе полупустое,
в бокале янтаря растает лед,
и через час начнется твой полет,
и под крылом качнется золотое
то облако, что надо мной плывет.

Твой самолетик превратится в точку –
в небесную окутанную тишь...
О чем пишу сейчас я на листочке –
ты с высоты уже не различишь.

О том, что в даль душа перелетает –
такая бездна под крылом растет,
пока на столике в янтарной капле тает
разлуки нашей чуть заметный лед.

О том, как в голосе твоём звенела
прощальных слов, с отливом грусти, медь,
о том, что за окном зазеленела
березовая спутанная сеть.

О том, что объявили: «С опозданием
уходит в небеса такой-то борт...»
О том, что после часа расставанья
вдруг без тебя стал пуст аэропорт.

О том, что расписание неточно,
когда душа пускается в полет...
Еще одну оставил в жизни точку –
небесной точкой ставший самолет.

В ПОДАРОК ОТ МЕНЯ ВОЗЬМЕШЬ

В подарок от меня
возьмешь –
кольцо, цепочку,
крест нательный,
да, без меня
ты отдохнешь,
но будешь
тосковать смертельно.

Я без тебя
пройду вдали
пустынный путь
многонедельный
по краешку
чужой земли –
но буду
тосковать смертельно.

Там –
снежные холмы окрест,
и небосвод
над ними ярк...
Спасет меня –
цепочка, крест,
кольцо –
последний твой подарок.

Но я коснусь
твоей руки –
крылом письма...
Беглянки почерк
узнаешь ты,
прочтя стихи –
скупую дань
небесной почты...

МОСКВА ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

После душного зала
вышли на воздух свежий.
Я что-то из слов вязала...
Через пустыню Манежную

вышли к стенам Акрополя,
к Александрийскому скверу.
Там – одинокий тополь
рос – серебристо-серый.

Ветви казались руками,
вечно к небу поднятными...
А рядом – горело пламя
в честь погибших когда-то.

Ты рассказывал что-то
об этих высоких стенах...
Сквозь Иверские пролеты –
росли купола Блаженного.
Уже – в облаках метели
рождественские кружили,
уже нарядные Ели
площади сторожили...

Мы шли дорогой исхода,
сплетая замерзшие руки,
но все еще были свободны –
от плена новой разлуки...

ПЫЛЬ ПАРИЖСКИХ СЕДЫХ ТРОТУАРОВ

Рыжий отблеск печали о прошлом
золотым оседает загаром,
серебрится, свежа, на подошвах
пыль парижских седых тротуаров.

Кто-то счел тяжесть храма недоброй...
В небесах – камень кружевом стынет,
и парит на чудовищных ребрах
Нотр-Дама святая твердыня.

От нее – разбегается, дразнит –
вдоль реки чуть картавым прибоем
шум толпы, образующий праздник,
тот, который всегда с тобою.

На карнизах – чудовищ морды
смотрят вниз, от жары белея,
гордый всадник Генрих Четвертый
через время летит, зеленея.

Приближается первая осень,
оппадают, желтея, каштаны,
жаркий ветер листья разносит,
образуя ковер нежданный.

Маршал Нэй оживает мишенью –
взгляд в нее попадает сразу –
на скрещении Сен-Мишеля
и латинской стрелы Монпарнаса...

Память светится отблеском рыжим,
золотым покрываясь загаром,
серебрится пылью Парижа –
данью стертою тротуаров...

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Ветер вырвал прозрачный квадратик,
дань воздушным путям, лепесток,
часть письма из забытой тетради,
что насыщен узором из строк –

он поэтом когда-то был выжат
из мелодии летней листвы,
он в тетради случайно был вышит
отголосками дальней молвы,

что к окну подходила все ближе,
проникая в сближения штор,
продолжая ночного Парижа
неоконченный разговор,

что к утру переходит на шепот,
между нами наводит мосты,
он в дали растворяется, чтобы
мне ответил когда-нибудь ты,

прочитав тот прозрачный квадратик,
что летит над изгибами крыш.
чтоб ты видел, как в старой тетради
отражается летний Париж.

РИМ – ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Одна на двоих – не велика беда...
Вечен Город, который вечно творим.
Над провалом цирка царит звезда –
но не об этом с тобой говорим...

Узел коллизий – Колизея петля,
шорох прошлого временем стерт.
В этих стенах стены Учителя,
и, быть может, даже апостол Пётр,

подбирая к Вечному раю ключи –
а его поджидал перевернутый крест.
И в раю Пётр слышит, как петел кричит,
и в раю он помнит предательский жест.

Посох сломан, зато осталась сума.
Пред церковной свечью душою горим.
Пепел Города – соль на семи холмах,
и далече от Третьего Первый Рим.

Дальше нет земли – по которой ступать,
даже если походка осталась легка,
значит, строки мои потекут вспять,
и в себя их примет времен река.

КАМО ГРЯДЕШИ

*– Камо грядеши, Господи? –
спросил Его Пётр.
– Иду в Рим, чтобы снова распяться, –
ответил Спаситель
и сразу после сих слов стал невидим...»*

Когда, неверьем гоним,
поспешно покинешь Третий –
город твой, древний Рим,
в пути Господь тебя встретит.

Божий ответ на вопрос –
заполнит души твоей бреши.
Ты спросишь: «Камо грядеши?» –
«К распятю...» – скажет Христос...

Словами Господа стерт
последний остаток боязни –
в город твой, к месту казни,
и ты вернешься, как Пётр.

С башен потянется звон
и возвестит о расплате...
И может, твоим распятьем
кто-то будет спасен...

Вечность – за пядью пядь
затянет времени бреши...
И кто-то вернется опять,
услышав: «Камо грядеши?»

Продолжение. Начало на стр.2

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ ТВОЙ САМОЛЕТИК ПРЕВРАТИТСЯ В ТОЧКУ СТИХИ О СТРАНАХ И ГОРОДАХ (2000-2015)

ВЕНЕЦИЯ

Вечным миражем рань,
встань, как венец вдали,
Венеция, кружево, ткань,
рваный клочок земли.

Между нами барьер –
границы нищих держав.
Лодочка, гондольер –
в лунном луче дрожат.

Веди же меня, бери
за руку, как детей –
в крошево-лабиринт
крошечных площадей.

Площади Марка лист,
голубь, как Дух, затих...
Первый евангелист –
свет от мощей святых.

Город дворцов, венец
светится твой во мгле,
Венеция, цель, конец –
странствия по земле.

ТОСКАНСКИЕ ХОЛМЫ

*«Городок наш расположен на холме,
вокруг чудесный тосканский пейзаж...»
Письмо из Италии*

Тосканские холмы,
не виденные мною,
встают из ранней тьмы,
ранимы тишиною.

Тосканские холмы
окутаны тоскою,
их бросил Бог из тьмы,
легко махнув Рукою.

Тосканскою волной
все далее и далее
затоплен летний зной
чуть ветреной Италии.

Тосканской синевой,
чуть серебристо-сизой,
тоскует город твой,
где жил Франциск – Ассизы...

Тосканская гряда
и древняя Сиена...
Боюсь, что никогда
мне там не быть, наверно...

РАВЕННА. УСЫПАЛЬНИЦА ДАНТЕ

На башне древней бьют куранты,
печалью сомкнуты уста.
Флоренция. Гробница Данта
из мрамора... Она пуста.

Над саркофагом плачет Муза,
над каменной пустотой.
Флоренция. Вражда Союзов...
Равенна – прах хранит святой.

Флоренция Поэта кличет...
«Прости...» – звучит на всех устах.
Но славит Муза-Беатриче
величье Данта в небесах.

Напев курантов, бой старинный,
Флоренция! Не все ль равно –
когда и где звучат терцины –
скрижалей, созданных давно?

БОГ НАХТИГАЛЬ

Не все ль равно, в какой живешь Европе –
пусть станут музыкой мне чуждые наречья,
не все ль равно, в какой тоскуешь робе
и пробуешь смирять противоречья?

Тебе вдогонку догорают свечи
на русских канделябрах – грусть бессрочна,

хочу воздать твоей немецкой речи,
уже не наяву, уже заочно.

Есть между нами весточки и вести,
кусочек жизни сыгран, словно действо,

сюжет придуман и прочитан вместе –
его не повторить без чудодейства.

Германский гений – нет ему мерила,
пусть новое вино – но крепки мехи,

немецкой речью ты меня дарила,
тем звуком, что запомнится навеки.

Зеленый сумрак длит воспоминанье,
плющом старинным тихий Рур завешен,

ты на мосту стоишь напомниманьем
поры минувшей – девичьей и вешней.

Не все ль равно, в какой тоскуешь робе
и пробуешь смирять противоречья,

не все ль равно, в какой живешь Европе –
пусть станут музыкой мне чуждые наречья,

пусть вздох настигнет – с грустью нету сладу,
жизнь предает, как дружба, верность, братство...

Бог Нахтигаль, веди свои рулады –
высокий звук спасет от святотатства...

ВЕСТФАЛИЯ. БАЛЛАДА

Пусть тебе, милая Анна, приснится
в древней Вестфалии каменный замок,
лютня и вечно поющая Дама,
вечер и вечно тоскующий рыцарь.

Рыцарь в доспехах, с ликом суровым,
перед войною осушит он кубок,
и поцелует Даму он в губы,
в новый поход отправляясь Крестовый.

Рыцарь у Дамы попросит прощенья –
перед дорогою в даль Палестины...
Дама родит ему милого сына
и двадцать лет будет ждать возвращения.

Рыцарь поход свой окончит Крестовый
и возвратится к условному сроку...
Дамы уж нет... У родного порога
сын его встретит – с ликом суровым.

ВЕСТФАЛИЯ. УТРО В ЭССЕНЕ

Верой лишь дни измеришь –
слушая птичьи гласы
утром летним, туманным
и коротая время
со златовласой Анной,
Эрихом седовласым.

Мне эти дни наградой –
только бы птицы пели...
Съездили в Кёльн, смотрели
На кружевную громаду
собора – Реймского брата.

Так вот и лечишь нервы –
ездишь по разным странам,
в путь выезжая туманным
утром... Бросая «евры»
в лучшие рестораны.

БОСТОН – 2001, 11 СЕНТЯБРЯ (Я ПРИЛЕТЕЛА В БОСТОН В НОЧЬ НА 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА)

11 СЕНТЯБРЯ. БОСТОН

Тишина еще держится в темноте снаружи,
Но внутри уже ничего не значит,
Если взлетают невинные души
И душа заходится криком-плачем.

В небеса идут по одной дороге,
Цивилизация тяжело дышит на ладан,
Сатана, предваряя пришествье второе,
Кличет воинов бен-ладена.

Взрыв внутри, но снаружи тихо,
Тысячи жизней ушли в полете,
Не зная об этом, заходится криком
Девочка, капелька моей плоти,

С именем ласково-русским Катюша...
В храме Святой Марии зажгли свечи –
По одной за каждую невинную душу...
Одиннадцатое сентября, Бостон, вечер...

13 СЕНТЯБРЯ

Время свешивается с башни,
стоящей гордо,
время падает бесстрашно
на мостовые твоего города.

Гроздь белая глицинии возле
стен домика деревянного
будут цвести после меня, после
тебя – цвести постоянно.

Потому, что башня сцеживает
время с часов городских,
к вечеру часы падают реже, реже,
чтобы чуть сдержанные минуты свежие
покалывали воздух, как ростки

чего-то... Может быть, будущего нашего...
Покалывали остро...
Время гремит с башни –
стонущего Бостона...

18 СЕНТЯБРЯ. ТРЕСКОВЫЙ МЫС

Слышишь, ветер в терновнике голос возвысил,
И рассыпался искрами треск вересковый,
Кораблей силуэты, колыбельная мыса
С суховатым названьем, чуть резким – «Тресковый».

И приспущен, как флаг, в вечер траура парус,
Грустен, рус, одинок, длит бессмертия вахту,
Как белеющий тот, у поэта-гусара –
Зарастает водой след лохматый от яхты.

Побережье... Кипит волн небрежная битва,
Белой пеной идут волны-агнцы, печальны,
И у Божья престола ветер всхлипнет молитвой,
Чуть соленой от брызг и от слез поминальных.

Ветер голос возвысил над водою прозрачной,
И следы белых яхт пеной бешеной стерты.
Дням теряем мы счет, бесконечный, от плача,
Колыбельная боль, ветер, голос бессмертья...

Окончание. Начало на стр. 2-3

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ ТВОЙ САМОЛЕТИК ПРЕВРАТИТСЯ В ТОЧКУ СТИХИ О СТРАНАХ И ГОРОДАХ (2000-2015)

21 СЕНТЯБРЯ

Деревья от ветра не гнутся, упрямы,
А нам с тобою так не суметь,
Когда мы поймем, что окончена драма,
И это не осень третья, а смерть...

Не станем уже ни моложе, ни старше,
Расколото дерево жизни на сруб...
Но музыка брызнет серебряным маршем
Из дрогнувших ровно архангельских труб.

И мы не уйдем, а взлетим – это просто –
Так высью клянется кленовый дымок...
И Пётр, первозванный веселый апостол,
На райских воротах отворит замок.

Росу серебристу рассыпали трубы,
А нам с тобою так не суметь,
И шепчут упрямые милые губы,
Что это осень, что это – не смерть...

9 ОКТЯБРЯ. МЫС МАНХЭТТЕНА

Стоэтажные
башни
выскребли незаметно
бледные выси
на южном мысе
Манхэттена,

вдавленном
в дали
Гудзона,
теперь там –
зев зоны

опасной,
да неясный
блик неба,
повисший тупо
провалом-раной
там, где недавно,

как два зуба
младенческие,
неплотные,
стояли над речкою
два небоскреба, левее
Свободы

статуи – бесплодное,
бесследное
достижение
Двадцатого бурного...
На Бродвее
продают последние
гравюрные
изображения...

Графики
этой бремя,
стекла и стали
жирфья
грация –
стали
непосильны цивилизации,
как время...

Осело
башен тело –
за мелкий грех
на глазах у всех,
пыль осела густо
на глазах у русской
эмигрантки,

по «статусу «беженки»,
сбежавшей на край Света –
она мне вежливо
рассказала об этом
при свечах-лампах.

Вчерашняя
башня
плачет
отпечатками
на эстампах.

ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО

Шорох бунинской страницы
убывает в тишине.
Господин из Сан-Франциско,
отчего ты снишься мне?

Дом твой – ласточкам на зависть –
прилепился на скале,
свет в нем – будущая завязь
тех огней, что жгут во мгле.

Словно взгляд твоих зеленых,
с трещинкой тревоги, глаз –
от их долгого полона
твоей святой меня не спас.

Если б ты, как он, монахом
шел с цветами по земле,
я б тогда жила без страха,
помня о добре и зле.

Но, как он, живешь не близко
ты, в запретной стороне...
Господин из Сан-Франциско,
отчего ты снишься мне?

ПИСЬМА ИЗ ОРЕГОНА

* * *

Знаешь, что я возьму с собой
в даль, где вечно шумит прибой –
нить голоса твоего, шелковинку,
да еще – упавшую с неба снежинку,
обведенную твоею рукой...

Я привезу тебе глоточек
солончатой воды морской
и времени золотого песочек
с того Тихого побережья,
где волны, подобием строчек,
набегают друг на друга – небрежно...

КОМНАТА АННЫ

Потолок надо мною скошенный,
Кем-то выстроган из осины,
А в окошке звездное крошево...
Видно, время меня скосило –

Моя жизнь с тишиной повенчана,
Проступающей в темных рамах,
Надо мной потолок бревенчатый –
В дальнем домике деревянном.

Час такой, что звонить тебе –
поздно,
В Город, где заснежены кроны...
А в моем окне только сосны
С древней хвоей вечнозеленой –

Узловатых ветвей колена,
И сквозь них – небесный квадратик,
Звездный луч из глубин вселенной
Дальний свет по пути растратил...

Пусть тебя этот свет коснется –
Мы с тобою лучом повенчаны...
Час такой, что звонить тебе –
поздно...
Надо мной – потолок бревенчатый...

«СОСНА ДО ЗВЕЗДЫ ДОСТАЕТ...»

Рядом с домом твоим
в высь стремится, растет
корабельный мачтовый лес,
ель темнеет,
сосна до звезды достает,
и во взгляде всегда –
звездный блеск.

Вечерами
ты ворожишь у огня,
в лепестках его
ищешь ответ...
Сохрани для детей,
сохрани для меня
этот вечный
вечерний свет.

Подыми
белых клавиш бегущий вал –
молоточки коснутся струн,
и ты вспомнишь то,
что в детстве играл,
предрассветный
Шопена ноктюрн.

Горизонт твой изломан,
горный хребет
в городке
подступает к домам...
Я когда-нибудь
снова приеду к тебе,
мы с тобою
пойдем по холмам,

мы войдем
в корабельный мачтовый
лес,
по тропинке,
что в небо ведет,
ты покажешь мне
точку ночную небес,
до которой – сосна достает...

* * *

Лампадка светит тускло
Плач с тишиной мешаю
По высохшему руслу
Я путь свой продолжаю

Заснеженный – он лучше
Дороги долгой прежней
Там где миндаль цветущий
На дальнем побережье

Но я еще помедлю
На каждом повороте
Еще пройду по следу
В том городке где бродят

послушные олени
по уличным откосам
где днем играют тени
В лучах летящих косо

На низкий деревянный,
Укрытый хвоей домик
Где Пятикнижью томик
Раскрыт на первых главах...

МОСКОВСКИЙ ДОЖДИК. ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Как пройти», – меня спроси,
как на улице прохожий –
в этот день, где моросит
надо мной московский дождик.

Пусть твой кружится вопрос
в западне души, как эхо,
как внезапная прореха
неба – в ворохе берез.

Ведь, скучая по речам
голосов, лишь мне известных,
я прошу, чтоб твой звучал,
приучая к благовестной

ноте той, что на века,
как невидимая свая,
держит звуком облака,
к узам с высью призывая.

«Как найти», – спроси меня,
как на улице прохожий –
путь, ведущий в кущи дня,
что на райские похожи...

Мой ответ падет, как тень,
что с твоею не сойдется:
«Есть тропинка в этот день,
но она сквозь ночи вьется,

ночи, где затерян след
голоса, на твой похожий,
где тебя со мною нет,
мой случайный, мой прохожий...»

ТАТЬЯНА КАЙСАРОВА МАТРИЦА СЧАСТЬЯ

* * *

Ну пускай это будет февраль –
предвесенняя матрица счастья!
Снегопад предлагает остаться,
перестать торопить календарь.
Пусть бездумные дуют ветра,
междуволья полны белоснежьем.
Мне бы снова на то побережье:
свет черемух, костры, мошкара.

* * *

Февраль. Еще семь пядей до весны.
А тех недель – так девять с половиной,
до зрячих слов, опередивших сны,
до майских дежавю невыносимых,
до сборов, до ветвящихся дорог
по дну Руси до новгородских сосен,
до долгих поцелуев, кратких строк,
тропинок, покидающих порог,
сквозь ливни лета, уводящих в осень.

Кипящие рябины вдоль шоссе,
в цветах низины, небо в куполах...
Еще чуть-чуть по взлетной полосе –
и ты уже в небесных зеркалах!
Покажется все так же, как всегда:
ручьи, болота, склоны с лебедой,
прохладные... а дальше лишь вода,
и от тоскливых будней – ни следа –
ты снова – просто чайка над водой!

О ЯЗЫКЕ

Мой бедный, мой больной необратимо,
в дремучей тьме косноязычных сот.
Что нового пчела твоя несет?
Возможно, просто пролетает мимо...
Январь поник: просевший снег и слякоть.
Такую хмарь, как хочешь, назови,
но нет в душе, ни слова о любви
и ни одной слезинки, чтобы плакать.

Я вижу только реки слез твоих.
Плыву по ним до засухи, до срока,
пока последний слог, ума морока,
безлик и краток, не вольется в стих.
Кто может удержать тебя? Иди,
шепчи, шурши с согласными безгласно.
Все выжжено, и видно, не напрасно
ни маяка, ни цели впереди.

* * *

Скажи еще, что даришь мне слова
из своего немого затуманья,
скажи мне, и окажется права
печаль моя. Из скани
твоих ветвей глядит закат,
ты любишь, останавливая сердце,
и продлеваешь жизнь мою стократ,
подмешивая бешеного перца
в вечерний кофе. Скерцо с молоком.
Вне сна богоподобно и легко!
Пусть будет так: начнется век, качнется
туманный гон рассветов и дождей
на берега любовь моя вернется
с апрельским колыханьем лебедей.
Прольется кипень – платье станет белым.
Ожог от поцелуя. Тишина.
Вливаюсь в утро невесомым телом.
Вольна исчезнуть, царствовать вольна!

ИПОМЕЯ

Ты снова вся в белом, моя ипомея,
не в розовом летнем и не в голубом...
Ты скрыта. И я задыхаюсь, немея
при кипенно белом безмолвье твоём.

О, как ты вскипала настойчивым зовом,
и шурилось солнце, и длились дожди...
И мне, второпях замышляющей слово,
ты ночью шептала: «Пока подожди...»

Я ждать не умела, моя ипомея.
Постылое время бралась обогнать,
рассыпала все, уберечь не умея,
а в мерзлых сугробах судьбы не собрать.

Ты в белом. И сердце, как треснутый лед.
Пуста я: без слов, без тебя, без надежды...
Невнятным теплом подо льдами течет
твой дух, ипомея, к моим побережьям.

* * *

В ионическом хоре сосновых колон,
в угасающей гамме заката
незнакомая птица выводит крылом
затуханья округлую дату.

Чуть заметные скрепы последних часов,
предполуночных, слишком тревожны,
чтоб услышать отчаянный полночи зов
и рассвета диурн невозможный.

Но когда над летящей к подножью листвою,
в облаках ускользающих мимо,
мне послышится голос взволнованный твой –
я поверю, что боль исцелима.

* * *

Покинув храмы Рождества,
сменив мажор на лад фригийский,
уходят мысли и слова
туда, где дышит бриз понтийский.

Гуляют вольные ветра,
снега летят к порогу ночи,
и длится странная пора
неточностей и многоточий...

Но к неизбежности потерь
приникло таинство надежды,
и все, что видится теперь –
правдоподобно и безбрежно!

О МУЗЫКЕ

Ты появилась, как внезапный сон,
и будто бы искала оправданье
за медленный полет внутри времен,
за смену кодов в глубине желанья.

Ты обещала дождь и лунный свет
и сразу исполняла обещанье.
Слова меняли прежний тон и цвет,
и у тебя искали пониманья,

а ты уже царила в вышине,
над нами, в нас и путала сознание,
и лунный диск качался на волне
от твоего неровного дыханья.

И мы благословляли твой приход,
отчаянье сменяя узнаваньем...
За кружевом твоих ажурных нот
светился тонкий контур мирозданья.

* * *

А сумерки так скоро, так внезапно
все погасили, выжгли свет в стекле,
и спит окно лицом на юго-запад,
а я забыла о твоём тепле,
о времени. Лишь ветра благодать
вздыхает и разглаживает кроны.
Жаль небо перестало узнавать
мои края и смотрит отрешенно.
Уйти? Но от себя не убежать:
распахнутые двери – те же цепи,
струится звездный дождь, и поздно звать
переводящего небесный лепет.
А сумерки несносные плывут
по рекам нескончаемой разлуки,
сгущаются, тревожат и зовут,
торопятся, протягивая руки.
Совсем, как я – в отчаянье, в мольбе,
сквозь музыку свиридовской печали,
сквозь сон невыносимый о тебе,
сметающий испуганные дали.

* * *

А снег летит не прямо и не вкось –
струится кружевная бесконечность,
так, словно небо отпустило вечность,
чтоб нам ее коснуться довелось.
И ощущая каждый Божий миг,
прохладное ее прикосновенье,
благословляешь краткое мгновенье,
как будто тайну вечности постиг.

ЛЕОНИД СКЛЯДНЕВ КНИГА

«Обыкновенная история: вынести ее – обыкновенный героизм».

Ф. Кафка

Что это за муть такая – серая, отвратительно-сырая холодная муть обволокла все вокруг? Превратила любимый им некогда город (ля-ля-ля, лучший город земли) в нагромождение бесформенных мрачных зданий, в слякотное столпотворение со снующими туда и сюда разношерстными толпами. Не зима ли нынче, а? Не белым ли бело должно быть все вокруг? Куда там! Серая, отвратительно-сырая холодная муть накрыла все. Он добежал до похожей на огромный неухоженный аквариум станции метро – неизменного атрибута городской периферии – и неторопливый эскалатор начал погружать его в тусклый желтый жар подземелья. А когда-то он любил Москву беззаветной юношеской любовью, и, возвращаясь к ней после коротких разлук, чувствовал почти альковное волнение, спускаясь в метро, и тяжелый запах просмоленных шпал казался ему неповторимым ароматом, царящим в комнате любимой женщины. Боже мой, когда это было? Лучший город земли... Поезд с затихающим воем остановился так, что дверь вагона оказалась прямо перед ним, и спешащие добрые люди впихнули его внутрь. Он ухватился за поручень и взглянул в черное зеркало окна. Оттуда на него смотрело обрамленное седой бородой лицо с мешками под глазами. Он всегда вот так смотрел на себя в метро, и, когда уже стал бывать в Москве редкими наездами, замечал, как лицо напротив от раза к разу менялось, и рассуждал философски: «Не, ну а как? Не Дориан же Грэй».

Замелькали напряженно присевшие темные бронзовые фигуры на площади Революции. Пересадка. Вылетел из вагона. Отполированный прикосновеньями многих ладоней нос пограничного пса задорно сверкнул ему сквозь мельтешенье толпы, и потеплело на сердце. Укорил себя: «Пить надо меньше. Тогда и мир вокруг светлее станет». А уж и постучали вчера эндовой! Товарищ уезжал. Сказал, мол, ничего тут в бизнесе не светит – одни чиновники-кровососы да санкции эти долбаные. И – на край света, в Колумбию. Бред какой-то, ей-Богу. Потому, поди, и прощание получилось бредово-пьяным.

Поднялся наверх. Окапало ледяной волной промозглого холода. Огляделся и понял, что вышел не туда. Серо-желтое здание Павелецкого вокзала приземисто раскинулось напротив – по ту сторону кишашего транспортом Садового кольца. Снова нырнул в тусклый жар подземелья, и неторопливый эскалатор вынес его к вокзалу. На широких ступенях молодуха в голубой нейлоновой куртке, с выбивающимися из-под черной вязаной шапочки темно-русскими волосами качала на руках плачущего ребенка, упакованного в теплый желтый комбинезончик с капюшоном. Она звала ребенка «Гришенькой», на южный лад мягко выговаривая «г», и пыталась успокоить, мешая русские и украинские слова. Но Гришенька был безутешен, протягивая ручонки и дергая ножками. Вспомнилось: «Отчего бедно дите...» А правда – отчего? Откуда и куда везет его мать сквозь эту серую, отвратительно-холодную муть? «Беженцы донецкие, – подумалось, – от войны бегут. И родина уже – чужбина, и чужбина, хоть и родная, не больно навстречу разлетелась. И что ждет их? Что будет с плачущим Гришенькой? В чужих ли людях ему мыкаться? Или... Ах, вот и с книгой его так. Живое дитя свое – на что обрекает? По темным углам пылиться никому не нужным хламом? По чужим равнодушным рукам ходить? Или... Сам-то не больно прыток «проталкивать». То есть, человек такой надобен – и добрый, и понимающий, и ловкий. Ищи такого свищи...» Он вздохнул и отправился искать нужную улицу.

Когда они с товарищем рассматривали карту города, маршрут казался ясным и простым. И густым, настоящим на века русским духом веяло от всех этих Ордынок, Болотных, Садовых, Озерковых, Полянок и Якиманки, и Балчуга. Замоскворечье – переключка русской речи. Здесь и сад Государев цвел, и первый на Руси кабак Грозный Иван учредил, и татары разбойничали, и чего только не было. И улица, которую ищет, – на ней ногайцы лошадами торговали, а ремесленный люд кожи выделывал. Эх, хорошо в теплой комнате под водочку исторической романтикой упиваться! А здесь, в столпотворении слякотном, поди найди ее, улицу ту, где ногайцы лошадами торговали. Вокзал – люд-то все приезжий, сами вслепую тычутся. Туда дернулся, сюда – без толку. Наконец, на

московскую старушку напал – ткнула пальцем, и нашлась улица. Теперь вот дом... Е-мое, ну что за путаница номеров такая? Он начал терять силы и терпение, и угрюмо отчаяние вместе с холодной мутой вползло под куртку, к самому сердцу. И охватило горькое чувство брошенности, никомуненужности, и – упало сердце. Малодушно подумал: «Ну, где я искать его буду, строение это? Вернусь-ка откуда пришел, скажу, что, типа, не доехал – не смог. Ну, сил больше нет». Он уже было повернул в сторону метро, но опомнился, взял себя в руки, нашел в мобильнике номер и позвонил. «Где же вы? Я вас с 11-и жду, – голос Издателя звучал с легким мягким укором. – Найти не можете? Где вы? А-а, ну так идите вперед до нужного номера, а там я вас встречу». Устыдившись своему малодушию, он пошел вперед. Три рослых омонца в черном, с дубинками на поясе, посреди улицы проверяли документы у каких-то узкоглазых людей. «Ногайцев, поди, трясут, – усмехнулся про себя. – А меня не трогают. Все-таки я здесь свой». И на углу следующего здания увидел Издателя – по фотографии в Сети узнал. Тот приветливо улыбнулся, протянул руку: «Вы нам весну привезли». «Весна – красна. А эта холодная муть...», – мысленно возразил он и улыбнулся в ответ. «Я вас, вообще-то, в 11 ждал. Могли бы поговорить, а теперь, уж простите, минут двадцать смогу вам только уделить. Идемте на склад сразу», – виновато-укоризненно, на русско-московский лад растягивая гласные, сказал Издатель и повел его по лестницам вниз. Склад располагался в нижнем этаже – большое, перегородженное перекрытиями помещение, окна вровень с землей скупо цедили тусклый свет ненастного дня. Тесно стояли упаковки книг и журналов – затянутые полиэтиленом высокие стопки и картонные коробки, поставленные одна на другую. Сквозь полиэтилен просвечивали названия изданий. На коробках были размашисто написаны фломастером от руки имена – надо понимать, авторов. Сумрачно, сыро, тихо. «Как погост, блин, с надгробьями», – поежился он. «А, вот вы у меня, здесь», – позвал из глубины склада Издатель. Голос гулко отдавался в перекрытиях. Он подошел. Две картонные стоящие одна на другой коробки. На верхней написано его имя. Что это? Надгробье? И отсюда – на ту сторону Стикса, в дурную бесконечность забвения? И – все? А потому что у него ничего-ничего, кроме этой книги, в жизни нет. Дом – не дом. И семья – не семья. Потому что все на этот алтарь положено и вложено в две картонные коробки. Как она ему бросила в сердцах? «Вместо того, чтобы по работе продвигаться, книгу писал». Да, это так. Таился в тени незначительных малооплачиваемых должностей, чтобы не дергали, не сушили мозги «интересами компании», чтобы были время и силы думать и писать. Это так. И теперь он – написавший книгу, никто. «Я... все не сумею взять... – промямлил неловко и к счастью вспомнил: – Я вот вам гостинец скромный привез». Изъял из рюкзака бутылку вина с зеленых холмов Галилеи.

Как-то сразу стало легче и заговорили свободно. Зазвучали имена общих знакомых из Русскоязычного союза писателей. «Да, да, как же, знаю. И того, и этого. Но... До общения как-то руки не доходят». Ах, да вранье это – про «руки не доходят». Просто... тусоваться же надо в Русскоязычном союзе, как-то в общем хоре подтягивать. По-светски этак: вы мне улыбочку – я вам улыбочку, вы мне, соловушке, похвалу – и я вам, кукушечке, похвалу. Так ведь на этом свете полезные дела делаются. Да. А он... Не то чтобы светскости не обучен, а – воротит его от светскости и от отношений этих, без которых ведь нич-чегшеньки невозможно. И это не сейчас и не вчера началось.

Против течения плыл, на рожон лез, и вот – его выгоняли из партии и из Университета – вычеркивали из жизни. Неторопливо, умело, с убежденным сознанием того, что делают хорошее, нужное дело – как палачи. А ему думалось – возбужденно, восторженно, героически – что он выходит в новую, невиданную, пусть неимоверно трудную, но чудесную жизнь. Он не понимал тогда: безмерное «нигде», куда его выталкивают, на обычном человеческом языке не называется жизнью. Жизнь – его жизнь – в тот момент перечеркивали двумя жирными черными чертами – крест-накрест. Нет, страшно, конечно, было. Но надо всем царило – вдохновение. Опьяняло, заглушало боль.

«Прочь, наружу, в полет! Кто-то думал, что будет падение?»

Нет, паденья не будет. Только режущий выси полет».

Вот музыка, что закипала тогда в нем. Но крепкозадые доценты в хороших партийных костюмах знали наверняка: именно вот падение и будет. Ухнешь, голубчик, в бездонный глухой провал российской периферии – только тебя и видели. И вредные дурацкие твои вирши, и самый звук имени твоего развеет бесследно по бескрайним просторам безалаберный и неприкаянный, как ты сам, русский ветер. Только единицы-ловкачи в эту лотерею выигрывают – ну, Бродский там какой-нибудь. А так-то... Не-ет, голубчик, жизнь она редко красивые выражи выписывает. И правда – крепкая жизненная правда, по одной же мы живем и предовольны – она не в твоих напыщенных виршах, а в наших протокольных заклинаниях. Как мы – мы! – скажем, так и будет. И вот мы тебе говорим: «Иди-ка ты туда, не желаем знать, куда – вон из нашей славной Партии и нашего звезднобашенного Университета». И потрясли они над ним кочергами, крепкозадые служки геенны, и сотворили над ним волхование свое – поднимание рук с подведенным черты. И-и... погнал его к краю хохочущий бешеный ветер.

А ведь обязан был в Москве остаться, обязан – зубами вцепиться и держаться, держаться, пока ветер бешеный не утихнет. Потому что российский писатель – он только в Москве да в Петербурге возможен. Это уж истина непререкаемая, спиновски-математическая – как сумма углов в треугольнике равна двум прямым. Что? Интернет, мир без границ? Чуть собачья! Надо рядом быть. А он – черт-те где, отсюда не видать. Да и живет полным анахоретом.

Они простились с Издателем тепло, со взаимными приглашениями посетить друг друга. Но когда вышел в холодную муть, сгибаясь под тяжестью пакета с книгами, снова в сердце вползло чувство брошенности – заброшенности на край света. Пиши, лоб расшиби – а толку? Пакет оттягивал плечо, больно врезался в ладонь, и он часто переключивал его из руки в руку.

Вот опять – Павелецкий вокзал. И опять эта беженка в голубой нейлоновой куртке – что-то воркует Гришеньке, мешая русские и украинские слова. И Гришенька притих, и ручками-ножками не дергает. «Ну, слава Богу», – подумал, погружаясь в желтый жар подземелья. На площади Революции снова сквозь мельтешенье толпы дружелюбно сверкнул ему нос пограничного пса. И он опомнился: «Пить меньше надо, тогда и мир вокруг светлее станет». И почему, почему подумал он тогда о мальчике так безысходно – мол, в чужих людях маяться будет? А может, добрых людей встретит, и помогут, и в жизни наставят, и все-все у него получится. И так ведь бывает. Ведь и нужен-то в жизни – один добрый человек. Да. И вот книга – в которую, как в дитя любимое, вся жизнь его вложена... Да отчего же ей непременно – на ту сторону Стикса, в дурную бесконечность забвения? А, может, – прочь от Стикса, в вечность памяти? Чай, не Харон же – Издатель! Нет, он из другого мифа – нашего времени, мифа о Живом Человеке. Так что, книга... Ну, да, по чужим равнодушным рукам помыкается – не без этого. Но, гляди, и доброму человеку в руки попадет. Ведь и нужно-то всего в жизни – один Добрый Человек.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА ТРОПИНКА НА ОБЛАКО

* * *

Взбираюсь в небо
По небоскребу.
Один, два, три
Четыре, пять...
Десять, пятнадцать,
Двадцать пять...
Пятьдесят,
Сто этажей.

Я на крыше.
Но до неба еще далеко.
О, как мне добраться до звезд!

Подсказка:
Здесь прожектор,
Освещающий путь,
Но не вверх, а вниз.

А что – если?..
Подступаю к краю,
Делаю шаг в пустоту.
Лечу...

Но не вниз, а вверх,
В самое небо, к своей звезде!
Какое счастье:
Я угадала.

* * *

Скорпионство!..
Ледяной айсберг в душе!..

Ты совсем замерз, мальчик мой!..
Выйди
из чертогов
Снежной королевы...

* * *

Сугробов к тебе намело!
Загородился
Холодом и льдами,
Завьюжился,
Буранами прикрылся!
Уснешь в снегах, –
Никто и не узнает,
И лишь сугроб
Твоим надгробьем
Будет.

* * *

Величественные
Просторы Арктики...
Ледовье...
Вечный покой...

Тише!..
А то солнце проснется –
И звезды не смогут мерцать!..

Здесь нужно
ступать осторожно,
чтобы не нарушить
вечный сон вечности.

* * *

Ах, отлепись,
Звезда от сердца:
Жить мешаешь...

Вот после жизни
Зажгу тебя
В светелке синей...

* * *

Кто-то оставил
следы на небе темном.

По ним
найду, наконец-то,
дорогу к Богу.

* * *

Звезды упали
с неба на землю...
ой!..

собираю
осколки звезд –
ледяные бриллианты.

* * *

Когда-то
мы бродили с тобой
счастливые
по небу...

Теперь
бродим несчастные
по земле.

* * *

Тропинка на облако
Загорелась радужным светом
На одно мгновение,
На миг один!..

Ах, не успела я перебежать!

* * *

Танец жизни
Утомил меня до смерти.
Вот бы уснуть, вот бы уснуть,
Не просыпаться...

* * *

Нет-нет, не пойду
туда, во тьму,
на огонек мерцающий,
влекущий
и пропадающий почти.
Он заведет, заманит
и обманет,
погаснет вдруг,
останешься во мраке,
одна
среди болотистой трясины...
Нет-нет, не пойду...

* * *

Кажется,
что черные купола
маленькой темной церкви
безмятежно спят,
привольно раскинувшись
в теплом ночном небе.
Но это
обманчивое впечатление.
Прикинувшись спящими,
они наблюдают
за каждым
прошедшим в ночи.

* * *

Какое красивое небо –
Темно-синее, синее,
С восходящим пространством луны,
С млечной россыпью звезд,
Над ледяным покоем озера
И долгим простором зимы.

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт новый интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг» – WWW.LITLAVKA.RU

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства.

Доставка по Москве в течение 1 дня.

Тел. для справок: (495) 971-79-25

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.

Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13

Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва

ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001

Расчетный счет: 40702810800670000380

БИК: 044525219

Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;
- Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;
- Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;
- Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;
- Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;
- Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.

Тел. для справок: (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ
ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционируют разработанные ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт», сайт журнала «Знамя» и др. Мы берегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы

www.poetograd.ru, <http://poetograd1.livejournal.com>,

<http://www.facebook.com/poetograd.vestkonsalting>

Общественный совет

Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва),

Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор

Наталья Лихтенфельд

Заместители главного редактора

Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев

Шеф-редактор

Евгений Мелешин

Заместители шеф-редактора

Василий Манулов, Сергей Киулин

Литературный редактор

Ольга Денисова

Компьютерная верстка

Анна Барина

Отдел рекламы и связей с общественностью

Ирина Горюнова

Интернет-версия

Максим Жуков, Николай Барин, Наталья Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)